

УДК 1(091):316:304.9:930.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия»,
ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный университет имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

Аналитическая философия ориентирована на осмысление сущности социальных феноменов не только в теоретическом плане, но и в рамках возникающих перед философией вызовов, с практической стороны. Проблематика применения методов аналитической традиции для объектов социально-гуманитарного познания становится особенно острой в настоящее время по причине поиска новых реконструкций для адекватных ответов на традиционные философские противоречия. Автор статьи утверждает, что аналитические философы Кембриджской школы были заняты поиском сущности социальных феноменов. Теоретико-методологические основания статьи представлены научными работами отечественных исследователей и собственными статьями автора. В целях раскрытия заявленной тематики проводится обращение к компаративистскому, прагматическому и цивилизационному подходам, а также теории социального реализма Р. Коллинза. Выявляются особенности взглядов кембриджцев на реконструкцию современных социальных феноменов. Всесторонне освещаются исследовательские позиции Дж. Данна, Кв. Скиннера и Дж. Покока, также устанавливаются факты идейных рецепций. В заключение отмечается перспективность использования методов аналитической философии.

***Ключевые слова:** политика, язык, аналитическая философия, общество, контекст, история, право, практика, лингвистический анализ.*

Политика и язык представляют собой феномены, витальный синкретизм которых, как нам кажется, мало у кого может вызвать сомнения, в особенности у специалистов, занятых междисциплинарными исследованиями. И язык, и политика являют собой крайне сложные системы в аспекте своей организации и открытости для функционирования с другими социальными феноменами. Однако любопытно следующее. Общеизвестно, что политическая проблематика попадает в поле философии практически в период ее генезиса в древнегреческой цивилизации, тогда как язык становится объектом внимания мыслителей только в XX столетии после так называемого «лингвистического поворота». Ранее мы отмечали, что данное событие революционным образом сказалось на расширении всей философской проблематики, поскольку появился впечатляющий массив научных работ, посвященных переосмыслению понятия и значения языка в аксиологическом, гносеологическом, онтологическом

и прагматологическом аспектах [23]. Однако собственно выход на социально-философскую проблематику, а именно изучение политики и права, в аналитической традиции наблюдается только со времени позднего Витгенштейна [18].

Наиболее видной традицией, посвятившей себя всестороннему раскрытию проблем языка в философии, является аналитическая. Понятие «аналитическая философия» может трактоваться с позиций множества смыслов. Так, по мнению В.А. Суровцева, данное направление является не просто какой-либо отдельной философской системой, но представляет собой «совокупность многообразных течений в рамках современной англоязычной философии», и, опираясь на предлагаемый Л. Витгенштейном термин, она может быть понята как «ряд предприятий, обладающих некоторым “семейным сходством”» [25, с. 23]. Это семейное сходство Суровцев фиксирует через ряд параметров, которым присущ динамический характер: «топический», «генетический», «тематический», «методический» [25]. Л.Б. Макеева справедливо связывает проблематичность аналитической философской традиции с тем фактом, в соответствии с которым уже изначально «исследователи подошли к ней как к определенной философской школе или философскому течению» [12, с. 131].

В настоящем исследовании под аналитической философией понимается, скорее, направление философствования, методология которого строится на логическом и лингвистическом анализе феноменов, являющихся порождениями речевой/языковой деятельности. Точность терминологии и незаинтересованность в абстрактных спекуляциях репрезентируют их философские обобщения не иначе как «строго аргументированные». Методологическая позиция «аналитиков» исходит из понимания языка в качестве главной детерминанты, которая обуславливает всю общественную жизнь – и это несмотря на тот факт, что деятельность человека является разнообразной. По мнению В.К. Шохина, язык определяет и структурирует рациональные дискурсы, протекающие в различных сферах, поэтому философы и приходят к выводу о его роли в формировании социальных отношений [30].

Несмотря на мнения, имеющиеся у некоторых уважаемых коллег насчет излишне теоретической природы этого направления, его положения имеют и прикладное значение, что наиболее важно для социальной философии и политики, в частности, ввиду необходимости все новых и новых способов решения возникающих проблем. Средневзвешенный взгляд представителей аналитической философии на проблему языка мы можем сформулировать следующим образом: феномен языка не только отображает мир, но и формирует восприятие мира носителем языка¹. Во

¹ Актуализация проблемы языка в контексте современной социальной философии также была представлена в докладах «Проблемы права и языка в контексте аналитической фи-

многим эта позиция подтверждается тезисом В.А. Ладова, указывающего, что «язык оказался в поле зрения современной философии только потому, что были высказаны тезисы о фундаментальной роли лингвистического опыта для развития мышления, сознания, рациональной деятельности» [9, с. 85].

Примечательно, что аналитической философии, несмотря на строгость ее методов и правил, так и не удалось сформировать единый взгляд на природу политики и политических феноменов. Говоря о российских представителях данного направления, можно лишь констатировать, что аналитическая философия политики де факто находится в состоянии своего формирования, а немногочисленные научные работы используют преимущественно методы и принципы англо-американской мысли [11; 12; 14–18; 20; 28]. В настоящей работе мы рассмотрим политику не просто как сферу общественной жизни (все же логичней говорить о политико-правовой сфере), но как один из наиболее видных и значимых социальных феноменов современности через призму Кембриджской школы аналитической философии.

Заявленная тема актуальна для российской философской мысли по ряду причин. Во-первых, труды, например, Кв. Скиннера к настоящему времени остаются до сих пор не переведенными, что не дает возможностей включения его взглядов в различные методологические установки. Во-вторых, рассмотрение политики, почти не освещенное в данной традиции, не дает возможности предложить ее адекватное соотношение с правом. Взаимозависимость политики и права уже не раз подтверждалась на институциональном и государственном уровнях. Политика и право задают условия организации совместного существования людей в обществе – все это дает возможность трактовать обозначенную взаимозависимость как «синкретизм». Наконец, открытие аналитической философии делает существенный вклад в современную интеллектуальную историю, в частности, позволяет осуществить репрезентацию формирования, динамики, диффузии и рецепции идей значимых мыслителей во всем мире.

Итак, прежде всего следует обратиться к источникам философско-политических идей представителей Кембриджской школы. Так, в качестве одного из них можно полагать убежденность в необходимости работы с архивными материалами, предпринятой П. Ласлеттом. Предлагаемое им архивное изучение текстов, содержащих, к примеру, идеи Роберта Филмера, выводящего политическую власть из права отцовства, фундируя ее так называемыми «патриархальными основаниями» [13].

лософии» (Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия на современном этапе» (г. Краснодар, 15 мая 2019 г.) и «Язык как основа функционирования международных политико-правовых институтов» (XXX Ежегодная международная научная конференция «Язык и культура» (г. Томск, 16–19 сентября 2019 г.).

Главным преимуществом патриархальной теории в контексте политики и права является ее ярко выраженная инструментальная роль, благодаря которой лингвистический анализ при выявлении намерений субъектов-авторов тех или иных текстов облегчает их языковую интерпретацию и семантическое понимание.

Следующим источником формирования идей кембриджцев резонно полагать критику всех предыдущих форм изучения политических процессов. Действительно, нетипичная для аналитической традиции именно практико-ориентированная социальная философия кембриджских исследователей оформилась через соединение политической теории и контекстуальных реалий, включая сюда динамику политического развития, которая стала рассматриваться теперь в качестве важного элемента государственного управления.

Основоположником Кембриджской школы является Джон Данн, который не просто стал первым автором одного из ее манифестов, но также сформулировал основные положения ее методологии [21]. Фигура этого мыслителя является значимой и для сегодняшней политической мысли, сфокусированной на изучении современных демократий [6]. Первоначально Данн определяет свое предметное поле, обращаясь к анализу множества аспектов и проблем истории западной политической мысли. Произведенный им выбор исследования именно этой сферы связан с ее большой значимостью в общественной жизни и аргументирован следующим: «Политика – это то окружение, та обстановка, та среда, в которой должна формироваться модель устройства общественной жизни. Политика – эта та среда, в которой существует ответственность за принимаемые решения. При таком понимании политики людям необходимо осознать, что они все находятся в ситуации общего затруднения, из которого должен совместными усилиями быть найден выход» [22].

Для решения поставленной задачи этот мыслитель обращается к проблеме понимания текстов, написанных на особом политическом языке, как действий и приходит к выводу, буквально выражающему следующее: «Не следует, читая автора, рассматривать только то, что им сказано, но прежде всего нужно извлекать то, что автор имел в виду, говоря то, что он сказал» [5, с. 319]. Действительно, интеллектуальная история знает немало примеров так называемых «великих текстов», составляющих ее канон и существенным образом сказавшихся не только на эволюции мирового мышления, но и затронувших социальные и культурные процессы [5]. В частности, один из таких показательных примеров приводится исследователем Б.З. Цанавой: «Отражение событий, которые произошли в Англии XVII в., в универсуме политических идей стало ключевым моментом в формировании либерального видения политики, в центре которого находится концепция свободы, основанная на теории естественных прав. Именно в этот короткий, но насыщенный исторический промежуток времени были сформулированы основания политического

языка, который до сих пор доминирует в современной политической науке» [27, с. 549]. Фактически в английском обществе осуществилась идейная рецепция базиса положений, исторически восходящих к Аристотелю и римскому периоду античной философской мысли, которая и воплотилась на практике в виде целого либерального проекта.

На наш взгляд, прикладной смысл изучения «истории понятий», о которой пишут Т.М. Атнашев и М.Б. Велижев [1], заключается в его возможностях выявлять и устанавливать закономерности реализации социальных преобразований, что позволяет строить валидные прогнозы государственного и общепланетарного развития в целом. Проведение таких политико-философских исследований Данн связывал с необходимостью понимания «чужих сознаний» тех или иных политических мыслителей [5], для чего и следует отметить самую ключевую детерминанту взглядов кембриджцев – это лингвофилософские идеи Л. Витгенштейна и Дж. Остина.

В целом, руководствуясь исторической платформой (здесь необходимо упомянуть идейную связь между аналитическим осмыслением политики Кв. Скиннера и философией истории Р. Коллингвуда [29]), в соответствии с которой «необходимо описывать историю идей в конкретных исторических ситуациях и искать ответы на конкретные проблемы» [4, с. 255]), и лингвистическими методами, кембриджцы «интерпретируют письменные тексты не как выражение общей теории, идеи, системы или внешних социальных факторов, а как инструменты воздействия автора на аудиторию в рамках общего конвенционального поля. Изучая текст как акт речевой коммуникации, можно получить ответ на целую серию вопросов: к кому обращался автор и как он хотел воздействовать на аудиторию своим высказыванием? Какие риторические средства, доступные в данном сообществе, он использовал? Какие речевые правила и конвенции соблюдал или нарушал?» [1, с. 110].

Отсюда следует, что от того, как идентифицирован и интерпретирован язык текстов политических теоретиков, напрямую зависит понимание конкретных социальных изменений. В самом деле, представители аналитической философии считали важным определить соотношение в бинарной оппозиции «значение – знак», которая рассматривается ими в неразрывном единстве. Важно, что значение, придаваемое знаку, детерминирует его содержание, но исключительно в контексте определенной реальности [2]. В соответствии с очерченной методологией кембриджцев понимание смысла того или иного политического высказывания зависит от ситуации, а также инструментов, которыми руководствовался автор для достижения своей цели.

Однако вскоре Данн, разделяющий мнение об историчности политического мышления, отходит от западноевропейского контекстуализма позднего Средневековья и Нового времени (периода становления совре-

менных нам моделей институционального устройства). Он сосредоточивается на современной политике, занимаясь, к примеру, интересующими нас вопросами политического устройства африканских государств или поиском сравнительных преимуществ государственного управления на Западе и Востоке, что, безусловно, определяется пониманием властными акторами конкретных идей, имплементируемых ими в социальное развитие [3; 6; 22; 24]. Кроме этого, мы полностью разделяем позицию Дж. Данна, в соответствии с которой успех государственного развития зависит от силы связей между политическим мышлением и философией [22].

В свою очередь, для Квентина Скиннера центральным становится сформулированный им тезис, что любой аргумент является результатом деятельности не только отдельного человека, но прежде всего общества. Это означает, что природа аргументации имеет коллективное происхождение. Соответственно, содержание любого высказываемого положения будет представлять собой результат конвенции той или иной социальной группы, в которой оно формируется. На наш взгляд, весьма показательной здесь является зависимость содержания высказываний от историко-культурной среды, к которой необходимо постоянно обращаться для полноценного понимания значений конкретных фраз. В таком случае язык предстает как «нормальный», являясь средством организации целых контекстов и социально-культурных пластов на определенных отрезках времени.

Мы считаем, что наиболее удачно в методологическом аспекте этот принцип описан Ж.-Ф. Лиотаром. Для французского мыслителя знание представляется в форме дискурса, под которым в постмодернистской философии понимается совокупность высказываний, принадлежащих к определенной формации. Обоснования подобных «знаний-высказываний» также имеют контекстуальную детерминацию и являются характерными для конкретных областей миропонимания. Любое такое знание представляет собой «нарратив», предполагающий легитимацию совокупности правил и условий, при которых формируется высказывание, для того чтобы стать частью дискурса и уже после этого быть рассмотренным сообществом. К свойствам знания Лиотар относит:

- обязательное совпадение с так называемыми «интеллектуальными компетенциями». При таком раскладе знающим признается обладатель конкретного гнозиса;
- отождествление с обычаями. Отсюда следует, что исполняющие обычаи также признаются знающими [10].

В результате возникают определенные нарративы, выступающие требованиями к знающим людям. Тем самым знание уже выступает и как образование, и как культура, предписывая человеку обязательность исполнения определенных правил получения, использования, хранения и

передачи знания. Эти правила предоставляют широкий круг возможностей в части организации процессов коммуникации, ввиду того что все люди становятся субъектами, использующими речевые акты определенным единым образом, который маркируется как «правильный».

Прагматика знания заключается в функции установления критериев унификации компетенций и социальной регуляции, которая реализуется посредством коммуникативной деятельности.

Этой логике и следовал Квентин Скиннер, указывая, что абстракций за пределами контекста не существует, в частности, одной из них становится понятие «государство». Важным уточнением является положение этого мыслителя о долговечном характере политических абстракций, что выражается посредством их перехода из одной культуры в другую. Поскольку Скиннер достаточно подробно изучал положения Т. Гоббса, он транслировал логику его идей, утверждая, что государство представляет собой репрессивную машину, главная функция которой – реализация возможностей мирного сосуществования всего множества людей, а также поиск вариантов во избежание «войны всех против всех» [27].

Кроме этого, одним из ведущих у Скиннера становится тезис о том, что «понять текст означает понять заложенное в него автором намерение быть понятым, а также способ, с помощью которого автор хотел сделать это намерение доступным для читателя» [8]. Такая расшифровка действительных намерений автора получает реальные возможности исключительно в очертании лингвистического контекста высказывания. Сделаем несколько промежуточных выводов. Во-первых, любое действие (в данном случае мы имеем дело с политическими субъектами) может быть понято как высказывание, поддающееся логическому анализу языка. Во-вторых, для понимания смысла деятельности политико-правовых институтов, статуса субъектов властной деятельности и закономерности политических процессов необходимо учесть все детали среды, в которой формировались конкретные действия политических субъектов [21]. Наконец, в-третьих, определенные ситуации, в которых участники взаимодействуют между собой и реализуют свои «политико-ориентированные» намерения, предстают своего рода «идеологией», существенным образом сказывающейся на принципах деятельности субъектов, определяя также особенности их понимания. Обоснование необходимости обращения к идеологии в значении совокупности идей, которые неотрывны от жизнедеятельности людей, формируя его мировоззренческий базис и позволяя осваивать окружающую реальность, можно найти у Х. Ортеги-и-Гассета [19]. Итак, в качестве резюме перечисленных трех пунктов: решение проблемы, касающейся осуществления речевых практик в их «нормальной» форме, видится в обращении к содержанию употребляемых понятий, а их наиболее адекватное и подробное описание будет возможным только через «контекстуальное погружение»: где, когда и при каких условиях использовались и применялись те или иные понятия.

Альтернативной теорией лингвистического понимания дискурса властных идей становится концепция Джона Покока, который придает особое значение анализу политического языка определенной эпохи. Суть взглядов Покока на интеллектуальную историю можно свести к тезису, что анализ употребления одних и тех же понятий в различном историческом контексте позволит установить множество их значений и смыслов. Такой подход к динамике идей во времени и пространстве открывает возможности для установления закономерностей и тенденций развития интеллектуальной истории, посвященной политико-правовой проблематике. Анализ характерных для определенных эпох идиом и способов употребления языка в сфере власти в целом позволяет структурировать смыслообразующие принципы реализации политического дискурса и осуществить его реконструкции – и все это начиная с XVII в., когда появляется классический либерализм. Также изучение «языковых матриц» позволяет придать современные смыслы в аспекте понимания классического либерализма и строить современные модели его реализации. Убеждения этого мыслителя заслуживают внимания за счет перехода истории политических (*и, соответственно, правовых.* – *Н.Р.*) идей в философское поле в связи с осуществляемой исторической реконструкцией, которая поднимает их на предельный/фундаментальный уровень обобщения [31].

Вариант аналитической философии политики, который предлагается Дж. Пококом, является не каким-либо набором абстракций в виде вневременных суждений о политике, но выступает целым отдельным жанром политических практик, суть которого может быть понята через его нацеленность на создание совокупности риторических норм, функционирующих в языке социальных групп. Это становится возможным за счет публичной речи, важная роль которой в теории Покока описывается Т. Атнашевым и М. Велижевым: «Обсуждение и дебаты становятся элементом власти и институционализации ее отношений, оставляя участникам дискуссии относительную свободу новых толкований традиции и полемических ходов, адресованных “значимым Другим”. Историк дискурса прошлого, в свою очередь, нацелен не на идентификацию “вечных” истин, но на понимание и новое открытие (возрождение) уникальной историчности Другого, его ситуации, его языка и высказывания, которые непосредственно в сегодняшнем контексте не явлены» [26].

Во многом изучение дебатов конгруэнтно духу новейшего времени, когда основным инструментом политики становится устная речь, которая имеет ярко выраженное авторское начало, персонализирована по отношению к адресатам, одновременно с этим более эффективна, а также достаточно позволяет провести ее всесторонний анализ методами лингвистического и логического анализа. Примечательна здесь позиция А.В. Павлова, считающего, что методология Дж. Покока в большей степени не может применяться к реальности, поскольку ограничена изуче-

нием «“дебатов” с эпизодическими обращениями к историческим примерам» [21, с. 275]. Кроме этого не совсем понятно, насколько такая трактовка может обеспечить серьезный философский фундамент. Между конвенциональными значениями общих языков в тех или иных сообществах также будут наблюдаться некоторые несоответствия: «Политические акторы полемизируют с помощью письменных текстов или устных речей для достижения политических целей, общий язык возникает в любом случае. Однако интенсивность коммуникаций, уровень вовлеченности ведущих политических акторов в дискуссии, степень публичности полемики могут существенно различаться» [1, с. 111].

Разумеется, что наиболее характерные проявления политических языковых высказываний будут наблюдаться в стремлениях акторов достигнуть главной цели этой сферы: «Некоторые из правителей обосновывали свое право на власть, скорее опираясь на шок и благоговейный трепет, чем под влиянием чего-либо, что могло быть ошибочно принятым за мотив служения. <...> Легитимность повсеместно считается временной и ненадежной, поскольку она зиждется не на заявлениях тех, кто правит, а на том, что думают и чувствуют их подданные, что, в свою очередь, в достаточно большой степени зависит от того, как государственное управление повлияло на условия жизни подданных в недавнее время» [3, с. 74].

По сути, социальная среда в своем роде становится интертекстом, где одни тексты указывают на ссылки к другим. Преимущества этого принципа интертекстуальности в том, что мы можем применить его и к отдельному индивиду, относящему себя к определенной социальной и/или культурной среде, и к обществу в целом. В такой системе лингвистический поворот в философии предполагает возможность поиска маркеров и индикаторов интертекста, позволяющих ориентироваться в этом мультипространстве. Предполагается возможность и отчасти даже необходимость формирования интертекстуальных словарей и других средств социального взаимодействия [7; 23].

Предпринятое исследование аналитической политической философии представителей Кембриджской школы позволило выявить ее отличительные черты, но, тем не менее, укладывается лишь в начальный этап социально-философских дискуссий аналитиков, предмет которых в данном случае представлен связями языка и политики. Но все же, к слову, последняя немислима без правовой составляющей. Заслуживает внимание, что кембриджцы, как и поздний Витгенштейн, абстрагируются от идеальных лингвистических моделей и в целях приближения к пониманию сущности политического в целом, к историческим основаниям и культурным кодам формирования этого феномена. Существенным вкладом становится результат анализа концепций Дж. Данна, Кв. Скиннера, Дж. Покока, позволяющий говорить об укорененности в определенный социокультурный контекст как акторов, так и целых институтов, не говоря уже о менее масштабных объектах из области политики и права.

Изучение контекста становится чрезвычайно важным, поскольку дает возможность выявить сущность возникающих политических объектов в тот или иной исторический период. Более того, предметные исследования конкретных связей и ситуаций языкового употребления соответствующих терминов, с одной стороны, позволяют учитывать все множество иерархий значимости политических феноменов в сопряженности с различными обществами, с другой стороны – выявить тенденции перехода от одних политических форм к другим. Представленное рассмотрение взглядов кембриджцев в очередной раз доказывает инструментальную ценность лингвистического анализа и указывает на практичность методов аналитической философии, которые способны задать новый импульс изучения (относительно) устоявшихся политических и правовых теорий, привычных для большинства исследователей.

Список литературы

1. Атнашев Т.М., Велижев М.Б. История политических языков в России: к методологии исследовательской программы // Философия: журн. Высш. шк. экономики. 2018. Т. 11, № 3. С. 107–137.
2. Блинов Е.Н. Политическая философия языка: к новой типологии визуальности // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 29, № 3. С. 165–175.
3. Демократии XXI века: смена парадигмы // Аналитический доклад Фонда ИСЭПИ и группы зарубежных авторов. М.: ООО «Издательский дом Академии имени Н.Е. Жуковского», 2015. 345 с.
4. Кадыров Д.Э. Методология социально-исторического познания: подход Кембриджской школы интеллектуальной истории // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 253–260.
5. Кадыров Д.Э. Применение методологии Кембриджской школы интеллектуальной истории в исследованиях истории социально-философского знания // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Философия». 2020. № 1 (51). С. 319–326.
6. Кембриджская школа политической мысли [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/97122> (дата обращения: 21.03.2020).
7. Кильдяшов М.А. Лингвистическое осмысление теории интертекстуальности // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2011. № 17. С. 139–140.
8. Крюков В.Г. Кв. Скиннер о методологии истории идей и политической теории [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/04/06/1320610439/Крюков%20В.Г.%20Кв.%20Скиннер%20о%20методологии%20истории%20идей%20и%20политической%20теории.pdf> (дата обращения: 22.01.2020).
9. Ладов В.А. Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1 (23). С. 84–97.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

11. Макаренко В.П. Проблема справедливости: политико-философские аспекты // Экономический вестн. Ростов. гос. ун-та. 2004. Т. 2, № 3. С. 84–99.
12. Макеева Л.Б. Аналитическая философия как историко-философский феномен // Философ. журн. 2019. Т. 12, № 1. С. 130–143.
13. Мишура А.С., Павлов А.В. «Патриархия»: политическая философия Роберта Филмера // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз: журн. полит. философии и социологии политики. 2014. № 1 (72). С. 92–105.
14. Оглезнев В.В. Интерпретация понятия свобода в аналитической политической философии // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: «Философия. Социология. Политология». 2010. № 3. С. 61–67.
15. Оглезнев В.В., Брянский С.Н. Исая Берлин и проблемы определения понятия «Свобода» // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: «Философия. Социология. Политология». 2015. № 4 (32). С. 318–325.
16. Оглезнев В.В. Проблемы определения кластерных понятий // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: «Философия. Социология. Политология». 2019. № 51. С. 70–78.
17. Орлова Т.А. Аналитическая традиция в структуре современной политической философии: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010. 144 с.
18. Орлова Т.А. Аналитическая философия и политическая культура // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 4. С. 155–164.
19. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
20. Павлов А.В. Аналитическая политическая философия? // Политическая концептология. 2010. № 2. С. 175–184.
21. Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. Т. 28, № 4 (125). С. 255–295.
22. Политическая философия – будущее человечества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 21.03.2020).
23. Равочкин Н.Н. Лингвистический поворот: социально-философский потенциал // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 8. С. 70–74.
24. Равочкин Н.Н. Философский анализ обособления современной Африки как социосферы // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 4 (7). С. 17–25.
25. Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 23–29.
26. Тимур Атнашев, Михаил Велижев. Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок — историк политических языков (от составителей) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/134-2015/28020-i-kembridzhskaya-shkola-context-is-king-dzhon-pokok-istorik-politicheskikh-yazykov-ot-sostaviteley.html> (дата обращения: 12.01.2020).

27. Цанава Б.З. Эволюция концепции свободы в политической философии Томаса Гоббса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 4. С. 549–565.
28. Чальй В.А. Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика // Кантовский сборник. 2014. № 2 (48). С. 46–52.
29. Шамшури В.И. История идей и историческое сознание: Р.Дж. Коллингвуд и его последователи // Вопросы философии. 1986. № 5. С. 127–136.
30. Шохин В.К. Что же все-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 137–148.
31. Pocock J.G.A. Political Thought and History. Essays on Theory and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 278 p.

CAMBRIDGE SCHOOL POLITICAL PHILOSOPHY AND ANALYTICAL PHILOSOPHY

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo
T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo.

Analytical philosophy is focused on social phenomena essence understanding not only theoretically, but also within the framework of challenges arising before philosophy from a practical point of view. The problem of applying analytical tradition methods for socio-humanitarian knowledge objects is becoming particularly acute at present due to the search for new reconstructions for adequate answers to traditional philosophical contradictions. The author of this article claims that Cambridge school analytical philosophers were trying to uncover the essence of political phenomena. Theoretical and methodological foundations of this article are formulated in domestic researchers' scholarly works, as well as in author's own papers. In order to study the problem, an appeal is made to comparative, pragmatic, and civilizational approaches, as well as to the theory of social realism offered by R. Collins. The peculiarities of Cambridge scholars' views for contemporary reconstructions of social phenomena are revealed. The research approaches of J. Dunn, Qu. Skinner and J. Pocock are examined in the perspective of the ideological platforms they accept and develop. In conclusion, the prospects of using the methods of analytical philosophy are emphasized.

Keywords: *politics, language, analytical philosophy, society, context, history, law, practice, linguistic analysis.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», доцент кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева» г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD, Associate professor of humanitarian and law disciplines dept., Kuzbass State Agricultural Academy, Associate professor of history, philosophy and social sciences dept., T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University. E-mail: nickravochkin@mail.ru